

ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К АДЫГЕЙСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗНАТИ В КОНЦЕ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

М. В. ПОКРОВСКИЙ

В противоположность дореволюционным историкам великодержавномонархического толка, прославлявшим «цивилизаторскую миссию» русского царизма на Кавказе, советские историки, показывая прогрессивное значение присоединения народов Кавказа к России, в то же время подчеркивают, что царское самодержавие подчиняло кавказских горцев, как и другие народы России, суровому колониальному режиму.

Однако до последнего времени больше внимания уделялось освещению колониальной политики царизма на Восточном Кавказе¹. Что же касается деятельности царской администрации на Западном Кавказе, то она обычно характеризовалась в самых общих чертах. Так, например, говорилось, что «царское правительство искало опору прежде всего в горской знати»², что «русские власти ориентировались в Адыгее на некоторых князей»³. Конечно, сами по себе эти положения являются бесспорными, но они не раскрывают конкретного исторического содержания изучаемых явлений. Важно не только отметить общее направление колониальной политики царизма, но и показать, каковы были ее формы и методы, какое влияние оказывала она на соотношение классовых сил и развитие классовой борьбы внутри горского общества. Именно этому вопросу и посвящена настоящая статья.

В дореволюционной кавказоведческой литературе не было единого мнения о социальном строе адыгейских племен XVIII—XIX вв. Одни авторы считали, что адыге (черкесы) находились еще на стадии родового быта⁴, другие, наоборот, сравнивали общественный строй Адыгеи с западноевропейским феодализмом⁵. Обе эти точки зрения не могут быть признаны справедливыми.

Адыгейское общество XVIII—XIX вв. было феодализирующимся обществом со значительными и довольно устойчивыми пережитками родовых отношений. Не зная еще четкого классового деления, социальный организм адыгейского общества был уже довольно глубоко расчлененным. В источниках конца XVIII—начала XIX в. отмечается наличие у адыгов князей («пши») и дворян («уорк»), незакрепощенных крестьян («фокотль»), крепостных («пшитль»), рабов («унаут») ⁶.

Основную массу населения адыгейских племен составляли свободные общинники — фокотли. По своему социальному облику они в известной мере напоминали йоменов средневековой Англии, которые, как известно, сохраняли до поры до времени свою хозяйственную самостоятельность и личную независимость, вынесенные из недр родового строя, и энергично отстаивали их в условиях складывавшегося феодализма.

¹ См., напр., Х. Х. Рамзанов. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в., Махачкала, 1956.

² «Добровольное присоединение Черкесии к России», под ред. З. А. Джанибекова, Черкесск, 1957, стр. 30.

³ «Очерки истории Адыгеи», под ред. С. К. Бушуева, Майкоп, 1957, стр. 305.

⁴ См. Н. Карлгоф. О политическом устройстве черкесских племен. «Русский вестник», т. 28, кн. 2, 1860.

⁵ См. К. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. «Кавказский сборник», т. 21, Тифлис, 1900.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18511, лл. 1—18. Краткий обзор горных племен, живущих за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря.

В процессе утверждения на Западном Кавказе русский царизм столкнулся с определенными социальными противоречиями между фокотлями и местной феодальной верхушкой. Вполне естественно, что царское правительство постаралось использовать в своих целях классовую борьбу, разгоравшуюся внутри адыгейского общества.

Сословно-классовый облик адыгейской военно-феодальной знати сильно отличался от облика русского дворянства. Она не успела еще закрепить за собою исключительное право владения землей со всеми вытекавшими отсюда социально-экономическими последствиями. Тем не менее русский царизм видел в ней родственное начало.

Стремление адыгейских князей и дворян распространить крепостную зависимость на широкие слои адыгейского свободного населения (фокотлей), укрепить и расширить свои владельческие права, став одновременно обладателями потомственно наследуемых земель, и, наконец, сложившиеся уже понятия о сословной чести и «благородном происхождении» адыгейского дворянства, делали возможным включение его в орбиту русской правительственной политики.

Уже во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг., правительством Екатерины II поставило целью привлечь на свою сторону наиболее влиятельных адыгейских князей, живших по левому берегу р. Кубани. Для этого им были даны привилегии, приносившие огромные материальные выгоды и оформлявшиеся соответствующими письменными документами.

В 1791 г. князьям женеевского племени было выдано свидетельство, в котором им от имени русской императрицы разрешалось безвозмездно и беспрепятственно брать соль из таманских соляных озер. В конце 1794 г. все бжедухские князья и дворяне во главе с князем Бат-Гиреем и султаном Аслан-Гиреем заявили о своем желании принять русское подданство. Причина, которая толкнула их на этот шаг, заключалась в стремлении использовать военные силы России против других враждебных им горских племен, а также и против своих непокорных «подданных». Переход под власть России они обуславливали требованием гарантировать особым договором свободный проезд на русскую территорию и обратно их «купечествующим людям для торгового промысла», а также беспрепятственный вывоз на Кубань соли и возврат им беглых рабов и крепостных. Со своей стороны, они обещали поддерживать спокойствие в пограничной полосе и участвовать, если понадобится, в операциях русских войск за Кубанью. В случае же возникновения новой войны России с Турцией они обязывались вести военные действия против турецкой армии⁷.

Екатерина II весьма благосклонно отнеслась к просьбе адыгейских князей, но открытого согласия на принятие их в русское подданство дать не решилась. Ее связывали условия мирного договора 1791 г. с Турцией. В рескрипте от 3 мая 1795 г. на имя Платона Зубова императрица писала, что удовлетворение желания просителей «завело бы нас в неприятные объяснения и хлопоты с Портою Оттоманскою, подав ей причину укорять нас нарушением заключенного с нею трактата»⁸.

В результате было принято компромиссное решение, изложенное в ордере Платона Зубова от 9 мая 1795 г. на имя войскового судьи Черноморского войска А. Головатого. В нем Зубов, указывая, что присяга бжедухских князей и дворян русскому правительству принята быть не может, поскольку это противоречило бы заключенным с Портою трактатам, писал: «Впрочем, обнадежите князей и мурз, изъявивших толико похвальные намерения высочайшею ея императорского величества милостию», и разрешил конским табунам просителей пастись на землях Черноморского казачьего войска под охраною казаков. Решение правительства, хотя и не удовлетворило желания адыгейских дворян, тем не менее убедило их в благосклонном отношении к ним как со стороны правящих кругов царской России, так и со стороны русской военной администрации на Кавказе⁹.

Вступивший вскоре на русский престол Павел I вначале не считал возможным изменить официальную тактику Зубова и Екатерины II по вопросу о взаимоотношениях с закубанскими князьями и дворянами. Приказом от 3 декабря 1796 г. он предписал Зубову придерживаться по отношению к ним прежнего порядка во избежание осложнений с Турцией, т. е. на просьбы о принятии в русское подданство отвечать отказом.

⁷ КГА, ф. 249, оп. 1, д. 248, л. 16.

⁸ Там же, л. 60.

⁹ Там же, лл. 61, 492.

Однако впоследствии он вынужден был от этой тактики отступить и наряду с раздачей различных привилегий неоднократно разрешал переход на правый берег Кубани и прием в русское подданство многим адыгейским князьям и дворянам.

Так же действовали и последующие русские императоры Александр I и Николай I, проявлявшие порой еще большую предупредительность по отношению к представителям адыгейской феодальной знати. Примером может служить посылка Николаем I в 1827 г. в Екатеринодар своего флигель-адъютанта графа Строганова, вызванная жалобой бжедужского князя Алкаса на командующего Черноморской кордонной линией, который допустил порубку леса в его владениях. Строганов имел личное свидание с князем Алкасом и передал войсковым властям распоряжение императора, согласно которому Черноморское казачье войско должно было уплатить Алкасу 5 тыс. пудов соли в виде компенсации за нанесенный ему материальный ущерб. Испуганное войсковое начальство немедленно переправило через Кубань соль и просило Строганова «довести сие до сведения государя императора»¹⁰.

С особой отчетливостью общий характер политических взаимоотношений, складывавшихся между русским царизмом и адыгейской дворянско-княжеской знатью, обнаруживался в той поддержке, какую царизм оказывал ей в борьбе против адыгейского крестьянства.

Вторая половина XVIII и первая половина XIX в. ознаменовались на Западном Кавказе крупными вооруженными столкновениями между свободными общинниками — адыгейскими фокотлями — и дворянско-княжеской верхушкой, вызванными стремлениями последней закрепить общинников в процессе феодализации адыгейского общества. Движение адыгейских фокотлей в общих чертах сближалось с ранними крестьянскими движениями времени становления феодализма в Европе, направленными против надвигавшегося закрепощения. Особенностью его было то, что у некоторых племен (шапсуги, абадзехи, натухайцы) восставшим фокотлям уже в конце XVII в. удалось ограничить владельческие права и крепостнические притязания дворянства, в то время как у бжедужов, хатукаевцев, бесленеевцев и темиргоевцев князья и дворяне продолжали сохранять свое значение.

Указанное обстоятельство и породило в официальной переписке и в работах буржуазных историков версию о «демократическом перевороте», будто бы происшедшем у части адыгейских племен, и делении их на племена «демократические» и «аристократические». Не рассматривая в данной статье детально этот вопрос, укажем, что так называемый «демократический переворот» был не чем иным, как весьма своеобразным этапом в развитии адыгейского феодализма. Он не повлек за собой ликвидации феодальной зависимости, сложившейся в адыгейском обществе, а, ограничив права и привилегии старой дворянско-княжеской знати, привел к выделению из верхушки фокотлей новой феодальной прослойки в лице так называемых старшин. Старшины быстро обнаружили феодальные тенденции, но на фоне еще продолжавшейся борьбы фокотлей с дворянством вынуждены были их маскировать под покровом сохранившихся у адыгов родовых институтов. По существу же это был новый слой неродовитого адыгейского дворянства в его своеобразном западнокавказском варианте.

Ключ к пониманию этих явлений дает известное положение К. Маркса о том, что при единстве и общности законов развития общества не исключено многообразие его конкретно-исторического развития: «...Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹¹.

Не разбираясь в особенностях социального устройства адыгейских племен, русское правительство подходило к «обиженному» фокотлями представителю адыгейской военно-феодальной знати с привычной меркой русских крепостных отношений и рассматривало его как владельца, ведущего борьбу с восставшими крестьянами. Напуганные крестьянским движением внутри страны, правящие круги России огульно зачисляли в лагерь адыгейской «пугачевщины» и всех старшин «демократических» племен,

¹⁰ КГА, ф. 261, д. 232, л. 11.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 353.

не будучи в состоянии понять, что оттеснение старшинами старого адыгейского дворянства отнюдь не означало еще потрясения основ крепостничества, чего русское правительство боялось больше всего. Не малое значение имело также и то обстоятельство, что адыгейские князья, обращаясь в Петербург с просьбой о помощи, уверяли, что их подданные во главе со старшинами собираются установить «республику».

В действительности в происходившей борьбе масса фокотлей, опираясь на общину (псухо), которая давала им необходимую «локальную сплоченность и средство к сопротивлению»¹², отстаивала свое независимое существование и общинный уклад жизни; старшины же видели в этой борьбе средство к уничтожению монополии княжеско-дворянской верхушки на власть и административные функции начальных форм государственности, вызревавшей у адыгов.

В ходе Кавказской войны царское правительство России взяло под опеку значительную часть адыгейских князей и дворян, но оттолкнуло от себя старшин шапсугов, натухайцев и абадзехов, не желая признать их «господствующим сословием». Отсюда-то и происходила та линия поведения старшинских верхов адыгейских «демократических» племен, которую они занимали в развертывавшихся в XIX в. военно-политических событиях на Западном Кавказе. Оказавшись вне официальной правительственной опеки русского царизма и будучи тесно связаны торговыми интересами с Турцией, они открыто взяли протурецкий курс и энергично поддержали мюридистское движение, видя в нем залог сохранения и укрепления достигнутого ими экономического и правового положения.

Еще в XVIII в. русский царизм в лице правительства Екатерины II считал нужным вмешаться в борьбу адыгейских фокотлей с их князьями и дворянами, пустив в ход оружие. Это нашло свое отражение в событиях, известном в исторической литературе под именем Бзюкской битвы¹³.

Бзюкская битва явилась крупным вооруженным столкновением между адыгейской военно-феодальной аристократией, наступавшей на свободное население сельских общин с целью его закрепощения, и фокотлями, отстаивавшими свою независимость.

Последним толчком, непосредственно предшествовавшим столкновению, явилось разграбление шапсугскими дворянами Шеретлуковыми торгового купеческого каравана, находившегося под покровительством одной из шапсугских общин. Возмущенная толпа вооруженных шапсугских фокотлей напала на двор одного из Шеретлуковых и разгромила его. После этого вся многочисленная фамилия Шеретлуковых поклялась достойным образом отомстить за нанесенное оскорбление. Однако прекрасно понимая, что для серьезной борьбы со всей массой шапсугского крестьянства одних Шеретлуковых недостаточно, они бежали со своей вооруженной дворней в землю бжедухов и обратились с просьбой о помощи к бжедухским князьям.

Главным и наиболее влиятельным князем у бжедухов в это время был Бат-Гирей. Он принял горячее участие в судьбе пострадавших дворян, надеясь, что быстрое и суровое пресечение движения шапсугских фокотлей послужит наглядным уроком и для бжедухского крестьянства, тем более, что к тому времени признаки движения против дворянства стали обнаруживаться и у бжедухов. На съезде бжедухских князей и дворян торжественно было принято решение о покровительстве Шеретлуковым. Объективно это означало создание единого фронта адыгейского дворянства во имя сохранения и дальнейшего развития зависимости крестьянства на вызревавшей феодальной основе.

Движение фокотлей против произвола, насилий и закрепостительных стремлений дворянства начало получать отклик и во всех других адыгейских племенах. Это заставило вождей дворянско-княжеской коалиции, Бат-Гирея и Али Шеретлукова, решиться искать поддержку у русского правительства. Воспользовавшись приглашением Екатерины II приехать в Петербург в связи с выраженным бжедухскими князьями и дворянами желанием принять русское подданство, Бат-Гирей с двумя делегатами от шапсугских дворян в 1795 г. отправился в столицу. Здесь они встретили самый радушный прием и полное сочувствие в их намерении остановить дальнейшее развитие движения фокотлей. Екатерина II лично приняла делегацию, беседе-

¹² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 162.

¹³ «Очерки истории Адыгеи», стр. 200.

вала с Бат-Гиреем и Али Шеретлуковым и отдала распоряжение, чтобы атаман Черноморского войска Чепега оказал им вооруженную помощь¹⁴.

Подавив Пугачевское восстание и готовясь к вооруженному вторжению во Францию с целью реставрации там старого порядка, Екатерина не могла остаться равнодушной к просьбе адыгейских дворян помочь им в борьбе с вышедшими из повиновения подданными. Конечно, ни сама Екатерина II, ни ее окружение не разбирались во всей сложности и специфике социальных отношений у адыгов, но для них было ясно основное — стремление народных масс свергнуть гнет дворянско-княжеской аристократии, и этого одного было достаточно, чтобы вмешаться в происходившие события. Царскому правительству вовсе не улыбалась перспектива наблюдать победу туземного адыгейского «якобинства» в непосредственной близости от новых государственных границ.

Характерно, что в данном случае правительство Екатерины II сочло возможным открыто действовать оружием на закубанской территории (формально принадлежавшей Турции), где находилась и крепость Анапа, возвращенная Порте по условиям Ясского мира, в то время как обычно оно, как отмечено было выше, проявляло большой дипломатический такт в вопросах пограничных отношений. Обстоятельством, которое позволило Екатерине действовать столь решительно именно в данном случае, была не только открыто реакционная направленность правительственного курса конца ее царствования, но главным образом твердая уверенность в том, что турецкие власти на Западном Кавказе не станут на защиту «черкесских бунтовщиков», поднявших оружие против своего дворянства.

Шапсугские дворяне, укрывшиеся на бжедужской территории, стали совершать оттуда непрерывные вооруженные набеги на шапсугские аулы. Этими нападениями они довели ожесточение шапсугских фокотлей до крайнего предела и фокотли стали готовиться к решительной вооруженной борьбе со своими дворянами. С этой целью они заключили военный союз с абадзехами и частью натухайцев. Таким образом, блоку шапсугских и бжедужских дворян и князей, объединившихся под эгидой русского самодержавия, противостоял единый фронт фокотлей двух крупных адыгейских племен.

Соединенное народное ополчение двинулось к берегам небольшой речки Бзююко, находившейся в 18 км к югу от современного Краснодара. Туда же двинулись и дворянские войска. При этом ополчение бжедужских и шапсугских дворян шло к месту сражения в сопровождении русского отряда, оснащенного пушками.

10 июня 1796 г. в долине р. Бзююко и произошла знаменитая Бзююкская битва. Первый натиск крестьянской шапсугской и абадзехской пехоты на дворянскую конницу был настолько силен, что она не выдержала и покатила в сторону русского отряда, стоявшего в резерве.

Увлеченные преследованием, во главе со знаменосцами несколько тысяч фокотлей вплотную приблизились к русским войскам, под прикрытием которых сосредоточивалось опрокинутое дворянское ополчение, и здесь были встречены картечью и ружейными залпами. Это решило исход боя. Расстроженные ряды крестьянской пехоты дрогнули и начали отступать к лесной опушке. Преследуя фокотлей на открытой местности, дворянская конница с яростью рубила бежавших.

Общие потери соединенного ополчения фокотлей превышали 4 тыс. человек. Кроме того, свыше 2 тыс. было взято в плен. Потери дворянско-княжеского ополчения были значительно меньше, но в конце сражения был убит главный его предводитель князь Бат-Гирей. Смерть Бат-Гирея произвела необычайно сильное впечатление на адыгейскую знать, и в песне, сложенной ее певцами, говорилось:

«Заплакали бжедужи, потеряв в бою любимого вождя Бат-Гирея;
Оплакала его и великая царица»¹⁵.

Не приходится удивляться, что открытая поддержка русским правительством интеллигентов адыгейской знати сильно возбудила против него народные массы горцев.

Екатерина и ее советники представляли себе поход Чепеги за Кубань чем-то вроде обычной карательной экспедиции губернского масштаба против восставшего народа и, конечно, не могли предвидеть тех последствий, какие она вызвала. Они не понимали, что участие русских войск в Бзююкской битве, закончившейся тяжелым поражением

¹⁴ «Очерки истории Адыгеи», стр. 201.

¹⁵ Н. Каменев. Бассейн Псекупса. Газета «Кубанские войсковые ведомости», № 29, 1867 г.

шапсугов и их союзников, обрушит на кубанскую границу всю ярость родовой кровной мести горцев (канлы).

Потерпев поражение в долине Бзиюко, шапсугские фокотли не сложили оружия и, используя благоприятные условия своей горнолесистой местности, продолжали вести упорную длительную борьбу с дворянством. Она сопровождалась разорением бжедужских аулов, где укрывались шапсугские дворяне и на которые нападали выходившие из своих лесов шапсугские фокотли. Это обстоятельство заставило, наконец, бжедужских князей, терпевших серьезный материальный ущерб, выступить в роли посредников между шапсугскими дворянами и фокотлями. В результате враждующими сторонами было заключено соглашение, очень сильно урезавшее права шапсугских дворян, но сохранившее все же за ними часть их привилегий. Соглашение было оформлено на особом собрании, так называемом «печетнико-зефес», после того как дворянам было разрешено вернуться на родину¹⁶. Согласно принятым на собрании постановлениям была уменьшена плата за убитого дворянина с 42 до 30 голов рогатого скота и, наоборот, повышена с 20 до 28 голов плата за убийство фокотля. Дворянство потеряло и еще целый ряд своих преимуществ. При этом в высшей степени характерно, что фокотли, оговаривая условия возвращения дворян на родину, не потребовали от них отказа от права владения рабами и крепостными, которые, кстати сказать, в описываемых событиях стали проявлять явное неповиновение своим владельцам. Такая ограниченность движения, закончившегося политическим компромиссом между верхушкой фокотлей и дворянством, объяснялась рядом причин. Главной из них было то, что богатые фокотли, не меньше, чем дворяне, были заинтересованы в эксплуатации зависимого труда. Более того, в лице своих старшин они выделили новую феодальную прослойку, которая в ходе событий хотя и могла пойти на частичную конфискацию в свою пользу принадлежавших дворянству крепостных и рабов, но вовсе не думала покушаться на само существование крепостничества и рабства у адыгов.

Часть шапсугских дворян во главе с Али Шеретлуковым все же не примирилась с созданным положением и предпочла перейти к русским. Этот переход был санкционирован в 1799 г. личным распоряжением Павла I¹⁷.

Ограничение прав дворянства произошло также у натухайцев и абадзехов, но здесь борьба протекала в несколько менее резких формах. У остальных же адыгейских племен к началу XIX в. продолжали сохраняться привилегии военной аристократии, хотя и у них тоже чувствовался назревающий социальный конфликт.

Бзиюкская битва, так ярко показавшая политическую солидарность правительства крепостной России и адыгейской военно-феодальной знати, была далеко не единственным примером поддержки русскими властями интересов адыгейского дворянства. С особенной силой это сказалось в 40-х годах XIX в.

1846 г. в жизни шапсугского, а также и натухайского дворянства характерен чуть ли не поголовным стремлением уйти в Россию. Причиной было то, что натухайские фокотли, следуя примеру шапсугов, также лишили дворянство его старинных прав и произвели секуляризацию значительной части принадлежавших дворянам рабов и крепостных. Это способствовало объединению действий дворян двух племен.

15 декабря 1846 г. в Екатеринодар к командующему Черноморской кордонной линией генералу Рашпилю прибыла депутация от шапсугских дворян в составе эфенди Исмаила Шеретлукова, Ислама Касполета, Сагата Гирея и других, которая вручила ему адресованное на имя главнокомандующего Кавказского корпуса князя Воронцова прошение от лица всего шапсугского и натухайского дворянства. Основная мысль прошения заключалась в том, что шапсугские и натухайские дворяне, не будучи в состоянии дольше мириться с созданным положением, намерены отделиться от своих соплеменников и, составив «соединенное общество», принять русское подданство в надежде на восстановление в будущем своих утраченных прав. Дворяне писали: «С древнейших времен мы имели над народом распорядительную власть. Все порядки, все повеления и все наряды для народа зависели от нас. Все наши мнения и приговоры всегда были исполняемы народом, равно как и с нашей стороны также было исполнено все, что к благосостоянию народа клонилось... Такой порядок вещей продолжался до настоящего времени. Ныне же народ вышел из повиновения и во всем

¹⁶ Хан - Гирей. Бесльный Абат. Газета «Кавказ», № 42, 1847 г.

¹⁷ КГА, ф. 249, оп. 1, д. 442, л. 325.

равняется с нами. Все простые люди самоуправствуют и производят беспорядки. Таким образом, народ присваивает себе такие права и преимущества, какими пользовались только наши деды и отцы»¹⁸.

Командующий войсками Кавказской линии генерал Заводовский, получив пересланное ему Рашилем прошение, тотчас же ответил последнему, что не замедлит отправить его к князю Воронцову, а пока просил заранее уверить депутатов «в благоклонном внимании г. главнокомандующего к их просьбе, ответ на которую они получат в самом скором времени»¹⁹. Действительно, ответ Воронцова был положительным. Извещая просителей, что весьма одобряет их благое намерение, он только просил их более обстоятельно и подробно изложить свои пожелания генералу Рашилю. Одновременно Рашилю предлагалось высказать свои соображения по следующим вопросам:

1. Могут ли шапсугские и натухайские дворяне, перейдя в русское подданство, остаться на прежних местах, там, где они живут, или же они должны будут покинуть Закубанье и переселиться в Россию?

2. Все ли дворяне этих племен единодушны в своем намерении?

3. Каков будет отклик со стороны народной массы на этот шаг дворян?»²⁰.

Получив ответ князя Воронцова, шапсугские и натухайские дворяне приняли решение, заключавшееся в том, что каждый из них должен лично подтвердить свое намерение; те же, которые окажутся «коснеющими в упрямой непокорности, будут отвергнуты навсегда из общества дворян»²¹.

По предварительно собранным генералом Рашилем сведениям большая часть дворян решительно была намерена переселиться к русским укреплениям. Натухайские дворяне наметили местом своего нового поселения территорию между Гастогаевским укреплением и Анапой, а шапсугские выразили желание поселиться на пространстве от впадения в Кубань р. Афипса до отделения от Кубани ее рукава Каракубани.

Натухайское дворянство, следуя примеру шапсугского, также выделило свой собственный политический актив в лице дворян Керзеча Тугуза и Магомета Койцука. Прибыв в Екатеринодар, они заверили генерала Рашиля в единодушном намерении всего дворянства покинуть «неблагодарную родину» и перейти под покровительство русских властей.

Что же касается настроений широких народных масс шапсугских и натухайских фокотлей, то последние не сразу поняли цель своего дворянства, заключавшуюся в том, чтобы, приняв русское подданство, обрушить в будущем на их головы крепостную зависимость. Наоборот, они склонны были видеть во всем происходившем лишь доказательство торжества поднимающихся сил своего «сословия» и, как писал Рашиль, «по-видимому, не понимая важности предприятия дворян, тщеславятся: „Вот мы заставили дворян жаловаться на нас“»²².

Однако уже к концу февраля 1847 г. натухайские фокотли осознали возможность губительных последствий отдельной присяги дворян русскому правительству. Они поняли, что дворяне, переселившись под защиту русских укреплений, постоянно будут вооружать против фокотлей русское командование и изображать их как непримиримых врагов России. Необходимо было срочно парировать эти намерения дворян, и первым следствием было то, что натухайские старшины заставили свое мусульманское духовенство занять совершенно необычную для него позицию. На общем собрании шапсугов и натухайцев, обсуждавшем дальнейшие политические перспективы и вопрос об отношении к русским, натухайские муллы вынуждены были заявить, что «не только с правоверным, преданным неверным, но и с самими неверными поступать неприятно не следует, исключая военного времени, когда законными государями объявляется война»²³. Этим, так сказать, подчеркивалась политическая лояльность фокотлей по отношению к русским и разоблачалась злобная клевета дворян.

¹⁸ КГА, ф. 261, д. 890, лл. 2—3.

¹⁹ Там же, л. 17. Заводовский ранее занимал должность наказного атамана Черноморского казачьего войска.

²⁰ КГА, ф. 261, д. 890, л. 18.

²¹ Там же, л. 20.

²² Там же, л. 44.

²³ Там же.

Вслед за тем фокотли постарались пресечь дальнейшие сношения своих дворян с русским командованием. 7 марта в Варениковское укрепление, где находился прибывший туда по приглашению натухайских дворян для переговоров генерал Рашиль, прискакали взволнованные Тугуз и Карабатыр Керзечи. Они объявили Рашилю, что «простой натухайский народ, осведомясь об общем дворян намерении, пришел в волнение». Быстро созвав собрание, фокотли постановили преградить дворянам путь личного сношения с русским командованием и не допустить их отдельной присяги русскому правительству. Заканчивая свой рассказ, братья Керзечи от имени всех натухайских дворян добавили, что они, несмотря на столь серьезное положение, остаются при прежнем своем намерении и будут «преодолевать препятствия, черню поставляемые»²⁴.

Примеру натухайцев последовали и шапсуги. Они также стали угрожать своим дворянам преследованием за их сепаратные переговоры с русскими.

Создавшаяся обстановка сильно затруднила сбор дворян на назначенный ими общий съезд 13 марта в Екатериновском укреплении. Они смогли собраться сюда лишь 20 марта, да и то в очень небольшом числе. Прибывший на Екатериновский пост генерал Рашиль нашел съехавшихся дворян в состоянии крайней растерянности, и только путем решительных обещаний участия в их судьбе со стороны русского правительства ему удалось вызвать у них снова «одушевление единомыслия»²⁵. К оставшимся дома были разосланы гонцы, и к 25 марта съехалось 66 шапсугских и натухайских дворян, которые и приступили к обсуждению вопросов, связанных с осуществлением решения о переходе в русское подданство.

Подтвердив нерушимость своих прежних намерений, они сообщили требуемые Воронцовым сведения о числе дворянских дворов и крепостных крестьян, которые подлежали переселению на новые места жительства вместе с их владельцами. Таких дворянских дворов у шапсугов насчитывалось 567 с общим числом крепостных крестьян в 3045 семейств, а у натухайцев — 375 с 1560 крепостными семьями²⁶. Убедившись в серьезности намерений русского правительства и его военной администрации на Кавказе защитить их от посягательств «зазнавшейся черни», шапсугские и натухайские дворяне решили обставить свой переход в русское подданство возможно более выгодно. Они потребовали, чтобы те, кто переселится на новые места, были немедленно вознаграждены за все убытки, которые понесут при переселении. Тем же, кто не успеет незаметно покинуть свои аулы и будет задержан фокотлями, должна быть оказана военная помощь, под прикрытием которой они могли бы вывезти свое имущество и крепостных²⁷.

Высказав эти пожелания командующему Черноморской кордонной линией, дворяне оформили их в особой декларации, поданной на имя князя Воронцова, в которой заявляли, что решили покориться русскому императору «в той надежде, чтобы по величию души и милосердию сего государя права наши были сохранены во всей силе как нам, так и потомству нашему и почитали бы нас верховными дворянами, так как и в России, нам известно, что дворяне имеют крестьян и пользуются своими дворянскими правами; равно, чтобы сохранены при нас все обычаи, какие остались от наших предков, и как-шариат. Потери наши в борьбе с черню пусть будут доводом нашей правительству покорности. В притеснениях своих простой народ натухайский и шапсугский отнял от нас, дворян, подвластных нам 8466 дворов, которых обязал присягою присоединиться к своему обществу, лишив таким образом нас возможности ими пользоваться. По оставшимся от предков наших черкесским обычаям мы имеем совершенное право на владение крестьянами, но народ для своей пользы выдумал другой какой-то шариат, на основании коего и отнял подвластных нам людей (подчеркнуто мною. — М. П.). Они забываются пред нами и не придерживаются оставшихся обычаев предков наших и настоящего как-шариата. За таковые обиды наши и ущербы дозволено бы было нам отмстить им оружием самим собою и с помощью

²⁴ КГА, ф. 261, д. 890, л. 56.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, л. 60.

²⁷ Там же, л. 59.

русских войск в разное время. При этом просим, чтобы и бежавшие от нас крестьяне в разное время в Россию были возвращены и отданы своим владельцам...»²⁸.

1 мая 1847 г. князь М. С. Воронцов прислал ответ, в котором обещал, что после принятия просителями русского подданства их дворянские права будут полностью сохранены, разрешал им переселиться на избранные ими места и свободно выходить к русским укреплениям, расположенным на Черноморском побережье. Кроме того, он обещал им военную помощь при переселении и разрешал мстить врагам, «не находящимся в русском подданстве». Что же касается вознаграждения за понесенные убытки, то Воронцов довольно дипломатично указывал, что «всякий, кто оставляет старое место жительства и переселяется на новое, должен иметь убыток в имуществе, но зато если новое место лучше старого, то убытки сами собою скоро вознаграждаются», и что если к тому же новые подданные русского императора обнаружат должное рвение и усердие на службе ему, то «щедроты его вознаградят за неудобства, связанные с переселением»²⁹.

Точно так же не получил решения вопрос о крепостных и рабах, бежавших в Россию в предшествовавший период времени. В данном случае Воронцов не считал возможным отступить от принятой русским командованием тактики по отношению к беглым адыгейским крестьянам, заключавшейся в том, что в целях политического воздействия на социальную верхушку адыгейских племен князьям, дворянам, старшинам и богатым фокотлям возвращались лишь те крепостные и рабы, которые бежали от них после принесения ими присяги русскому правительству. Те же унауты, пшитли и оги, которые выбежали из-за Кубани до принесения их владельцами присяги, возврату не подлежали. В своем письме он писал шапсугским и натухайским дворянам: «Соглашаясь с удовольствием на все ваши просьбы, которые возможно исполнить, я не могу этого сделать относительно выдачи владельцам бежавших в Россию крестьян. Люди эти перебежали в русские пределы давно и тогда же получили от начальства обещание, что будут свободными. Данное обещание никто изменять не должен и вы сами согласитесь со мной, что это справедливо; ибо если мы изменим нашему слову, данному бежавшим вашим крестьянам, то вы сможете опасаться, что и относительно вас обещания наши будут нарушены. Но этого не было и никогда быть не может»³⁰.

Вряд ли, конечно, эти доводы могли убедить шапсугских и натухайских дворян в бескорыстном служении князя Воронцова абстрактной идее высшей справедливости, к стати сказать, ему весьма мало свойственной. Согласиться же с решением главнокомандующего им было крайне трудно. Потеряв в результате нескольких конфискации, произведенных у них восставшими фокотлями, без малого 8500 дворов крепостных крестьян (что по самому приблизительному подсчету составляло не менее 50 000 душ обоего пола), они во что бы то ни стало стремились сохранить власть над оставшимися еще у них 4605 крепостными семьями и, переходя в русское подданство, вернуть бежавших. Как сообщал генерал Рашиль, еще в начале переговоров шапсугские дворяне заявили ему, что они все согласны присягнуть русскому правительству, но при условии, что «им обещают возвратить их крестьян, доселе от них бежавших, и выдачу тех, кои будут вновь к нам перебегать»³¹.

Отказ главнокомандующего удовлетворить это основное требование адыгейских дворян сразу же поколебал решение многих из них принять русское подданство, и они стали искать примирения со старшинами фокотлей в надежде сохранить оставшихся у них пшитлей и унаутов, поскольку расчеты на пополнение их числа при переходе в Россию оказались несостоятельными.

К стати сказать, и сам Воронцов, понимая всю эфемерность результатов своего обращения к возвышенным чувствам адыгейских душевладельцев, в качестве решающего довода в пользу их перехода на русскую территорию выдвигал ту мрачную перспективу, которая ожидала их дома: «Шапсугские и натухайские дворяне, — писал он, — не откладывайте вашего доброго намерения. Переселяйтесь ближе к русской

²⁸ КГА, ф. 261, д. 890, лл. 64—65.

²⁹ Там же, л. 99. Письмо Воронцова от 1 мая 1847 г. шапсугским и натухайским дворянам.

³⁰ Там же, л. 98.

³¹ Там же, ф. 260, д. 653, л. 185.

границе, и переселяйтесь все. Тот, кто будет упорствовать, навлечет на себя несчастье, ибо простой народ год от году более станет их стеснять и им не будет места на родной земле». Желая ускорить ход переселения, Воронцов распорядился первым десяти дворянским фамилиям, которые перешли на новое место жительства, выдать по пятидесяти рублей серебром из экстраординарных сумм в виде безвозвратного пособия³².

Правительство царской России в момент нарастания революционной бури 1848 г. на Западе не могло отказать в поддержке адыгейским дворянам, просившим о помощи в борьбе с вышедшим из повиновения «простонародьем». Если ему не были вполне ясны все особенности общественного строя адыгов, то общий антикрепостнический характер борьбы рядовой массы шапсугских и натухайских фокотлей не вызывал никаких сомнений. В силу этого обстоятельства адыгейские дворяне, рисовавшиеся в глазах русской военной администрации и русского правительства, так сказать, «дворянами третьего сорта», тем не менее были для них все же родственным социальным элементом и их крепостнические стремления были для них также вполне понятны. Можно было отказать им в ряде преимуществ, присущих русскому дворянству, но нельзя было не протянуть им руку помощи в борьбе против непокорных «подвластных». Реакционный политический курс правительства Николая I делает понятной и позицию, занятую Воронцовым в шапсугско-натухайских событиях. Действуя так, русские власти, однако, не понимали того, что стремясь завоевать довольно сомнительную преданность адыгейских князей и дворян, постоянно колебавшихся в своих политических симпатиях между Турцией и Россией, они восстанавливали против себя широкие народные массы адыгов и способствовали деятельности на Западном Кавказе иностранных агентов.

Не приходится поэтому удивляться тому, что произошло уже в следующем, 1848 г.

Откровенная поддержка русскими властями адыгейских дворян в их социальном конфликте с фокотлями не могла не вызвать резко отрицательной реакции со стороны последних. Шапсугские и натухайские фокотли прекрасно понимали, что союз местных дворян с русским правительством грозит значительным расширением дворянских прав и преимуществ. На этой почве весной 1848 г. развернулось широкое движение, вылившееся в настоящий погром шапсугских и натухайских дворян.

18 апреля 1848 г. в Екатеринодар прискакал из-за Кубани присланный шапсугскими дворянами гонец, который сообщил, что «шапсугский народ дошел до самого неистового негодования на дворян за их решимость предаться под покровительство России».

Незадолго перед этим руководители восставших фокотлей, в свою очередь, прислали генералу Рашпилю письмо, в котором извещали, что они будут преследовать и наказывать «неблагонамеренных и вредных людей, какими являются их дворяне»³³. Для этой цели фокотлями были созданы особые отряды, которые задерживали едущих к берегу Кубани дворян, конфискуя их имущество. Вооруженное сопротивление, оказываемое задерживаемыми в пути дворянами, еще больше озлобляло народную массу, и она обрушивала свой гнев и на всех остальных дворян. Часть их успела бежать под защиту русских укреплений, часть, оставив свои дома на произвол судьбы, укрылась в лесах и умоляла русское командование «оказать им защиту силой оружия, чтобы остановить гибельные действия бунтующейся черни и доказать, что русские и словом и делом защищают своих приверженцев»³⁴.

Некоторые же дворяне вступили в переговоры со старшинами фокотлей и стали искать с ними примирения.

Группа бежавших дворян, собравшаяся к Варениковскому укреплению, находившемуся в нижнем течении р. Кубани, получила извещение, что «народ решил отстаивать право своего голоса в деле общем силою, как уже неоднократно и отстаивал, начав резню с вероломных, узденей, как уже делали их предки — тоховы»³⁵. Дополнительные сведения, полученные русскими властями, говорили, что фокотли решили

³² КГА, ф. 261, д. 890, лл. 98, 101.

³³ Там же, лл. 114, 118.

³⁴ Там же, л. 115.

³⁵ Там же, ф. 260, д. 653, л. 185.

«наказать примерно узденей, как за последний вероломный их поступок, так и за прежние. Народ называл их пришельцами, обманывающими и своих и русское правительство, присваивающими себе небывалое на деле влияние, забывшими, что уже более 20 лет тоховы сложили с себя всякую зависимость и народ управляется сам собою как равный с равным, что тогда же уздени дали присягу действовать во всем единодушно с народом»³⁶.

Захваченные фокотлями в момент бегства, дворяне были подвергнуты допросу с целью выяснить, «на каком основании они, после последнего в народе переворота, решили действовать мимо него; чего они решили достигнуть переговорами с генералом Рашилем, в чем заключались эти переговоры и какие и кто именно получил подарки». Оправдываясь, дворяне заявили, что «целью переговоров было лишь освобождение из Черномории крестьян, для чего уздени действительно обещались жить в согласии с русскими»³⁷. Это объяснение имело целью найти сочувственный отклик в сердцах богатых фокотлей и старшин, также имевших крепостных и кровно заинтересованных во владении ими.

Доводы дворян, однако, не имели желаемых результатов, и дворяне были подвергнуты наказанию штрафом. Оштрафованы были людьми и скотом Хатукай Шагин Гирей, Шурук Оглу Тугуз, Мухаммед Койцук, Сагат Гирей Шеретлуков и др.

Укрывшиеся на русской территории дворяне, не успевшие вывезти своих семей, пытались обращаться к фокотлям, убеждая их в том, «что стыдно народу грабить в отсутствие их беззащитных жен и детей, оставленных ими на местах жительства»³⁸. Призывы эти тоже не возымели действия; причем фокотли решительно отвергли обвинение в насилии, заявив, что взятый с дворянских семей штраф ни в коем случае не будет возвращен им, как людям, «виновным в вероломном и низком поступке противу народа». Особенно большое негодование вызвало предложение дворян разделаться с фокотлями судом шариата. В ответе на это предложение старшины фокотлей писали дворянам, что «они напрасно упорствуют и, верно, забыли, что значит против народа все сословие узденей — горсть пришельцев, пребывание коих в краю давно уже стало тягостным»³⁹.

Во время описываемых событий фокотли не обнаруживали никаких враждебных намерений по отношению к русским. В этом отношении в высшей степени характерны переговоры, имевшие место между начальником первого отделения Черноморской береговой линии контр-адмиралом Серебряковым и руководителями антидворянского движения. С целью уяснения происходивших в горах событий Серебряков обратился к лично известным ему влиятельным шапсугским и натухайским старшинам Хасабицу Абдулле, Хазешу Мамету и Соусуку Хаяту, которые ответили, что действия фокотлей вовсе не имеют своей целью преследование горцев, которые находятся в дружественных отношениях с русскими, как это утверждали бежавшие дворяне. Цель указанных действий, по их словам, заключалась исключительно в наказании вероломных дворян, почему они и просили Серебрякова не чинить им препятствий в этом деле. Вслед за тем к Серебрякову был прислан уполномоченный шапсугами и натухайцами старшина Бат Смаил, заслуживавший, по отзыву Серебрякова, полного доверия. Бат Смаил повторил просьбу фокотлей не препятствовать в их репрессиях против дворян. Как сообщил Серебряков: «Он (Бат Смаил.— *М. П.*) объяснил, что узденя сами дали повод к такому на себя гонению, что все смуты, какие бывают в народе, происходят от них же, что они одинаково вредны как для нас, так и для народа. Грабежи возвращавшихся с меновых дворов, хищничества, разбой, все это до сего времени было делом узденей. Они воровали скот у своих и передавали его черноморским черкесам, из Черномории постоянно также увозят скот и даже людей. Так, Куйцук Магомет (один из видных инициаторов ведения переговоров с русскими властями.— *М. П.*) недавно украл мальчика. Вот в чем заключаются, добавил он, занятия узденей, к коим еще нужно при-

³⁶ КГА, ф. 260, д. 653, л. 187.

³⁷ Там же, л. 188.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Это заявление в устах старшин, явно прибиравших к своим рукам власть, отнятую у старого шапсугского дворянства, звучало достаточно демагогично.

«соединить и лстивое вероломство их перед русским начальством. После этого не в праве ли народ их преследовать!»⁴⁰.

Описанный ход событий заставил призадуматься русскую военную администрацию на Кавказе. Можно сказать, что она не предвидела всей серьезности тех последствий, которые имели место в результате занятой ею позиции в борьбе между адыгейским дворянством и фокотлями. Начинать крупные военные действия в защиту шапсугско-натухайского дворянства на всем пространстве от Анапы до Екатеринодара — значило бы вызвать здесь общее вооруженное сплочение широких масс горцев против русских. Понимая это, местные начальники, лучше ориентировавшиеся в сложившейся обстановке, чем высшее командование, по собственной инициативе повели переговоры со старшинами шапсугских и натухайских фокотлей, убеждая их прекратить преследование своих дворян. Одновременно они убеждали самих дворян, остававшихся за Кубанью, переходить на равнину и селиться между фортом Раевского и Анапой. Однако значительная часть дворян, не успевшая своевременно выйти вместе со своими семьями, скотом и крепостными, испуганная конфискацией имущества дворян, ушедших в Россию, не решалась на этот шаг. При тайном уходе она боялась потерять своих крепостных и имущество. Обещание же в будущем компенсации за понесенные потери путем вознаграждения за усердную службу русскому правительству также мало устраивало рядового адыгейского дворянина, которому крайне трудно было переключиться в совершенно новый для него мир служебно-бюрократической субординации.

Этим и объясняется, что группа дворян, оставшаяся за Кубанью, после длительных размышлений заявила русскому командованию, что, приняв русское подданство, она желает остаться у себя дома. Естественно, что русские власти это заявление сочли пустой отговоркой и значительно охладели к судьбе «неблагодарных адыгейских дворян». Охлаждение еще более усилилось после того, как русским властям стало известно о нападении нескольких, только что принесших присягу шапсугских дворян на окрестности станицы Суворовской. Тем не менее Воронцов счел за благо, не начиная военных действий в защиту дворян, обратиться к старшинской верхушке фокотлей с воззванием, в котором пытался затушевать истинные причины, толкнувшие шапсугских и натухайских дворян на совершенный ими шаг. Он изображал их действия как результат простого доброго отношения дворян к русскому правительству и призывал фокотлей последовать их примеру, принеся верноподданническую присягу русскому императору.

Проводя покровительственную политику по отношению к старой адыгейской военно-феодальной знати, русская военная администрация на Кавказе не могла в то же время не считаться с растущим значением старшин, без установления отношений с которыми нельзя было обойтись при ведении переговоров с «демократическими» племенами. Вместе с тем она не могла отказаться и от настороженно-недоверчивого отношения к ним, поскольку эта прослойка адыгейского общества поднялась к своей политической роли из среды богатых фокотлей на гребне волны крестьянского движения. Желая поскорее выбраться из затянувшейся и крайне неприятной для русской администрации «шапсугско-натухайской истории», в которую вовлек русского главнокомандующего его политический флирт с адыгейским дворянством, князь М. С. Воронцов 10 июля 1848 г. подписал специальное обращение к «старшинам натухайского и шапсугского народов». В обращении говорилось:

«Старшины натухайского и шапсугского народов! Когда среди Ваших обществ предпринимается учреждение для угнетения Ваших братьев, единственно за доброе их к нам расположение, мы не можем допустить Вас к таким действиям, мы не должны оставить без защиты людей, которые находят пользу свою в сношениях с нами. Предваряю Вас об этом, старшины народа, дабы Вы не вводили у себя таких вредных для общего спокойствия учреждений. Если же Вы будете продолжать действовать как начали противу людей в дружбе с нами живущих, то мы вынуждены будем прибегнуть к оружию, и истреблять Ваши аулы, хлеба, а может быть построить среди Вашей земли крепости, сделать русские поселения и таким образом лишить Вас богатых и лучших мест, на коих жили Ваши предки»⁴¹.

⁴⁰ КГА, ф. 260, д. 653, л. 183.

⁴¹ Там же, ф. 261, д. 890, л. 165.

Как и следовало ожидать, это обращение князя Воронцова ничего, кроме отрицательных последствий, не имело. Оно вызвало враждебное недоверие широких масс горцев к верховному русскому командованию на Кавказе, так бесцеремонно вмешавшемуся в их борьбу с дворянством, и в то же время оттолкнуло от него и старшин.

Отказавшись от плана «освободительного похода» за Кубань во имя спасения «угнетенного чернью» адыгейского дворянства, русские власти продолжали радушно принимать дворян-перевежчиков. Их поселяли в прикубанских аулах, находившихся поблизости от русских укреплений, и давали пособия из экстраординарных сумм. Большая группа натухайских дворян была поселена в окрестностях Новороссийска. В отношении некоторых из них, в виде исключения, контр-адмирал Серебряков считал даже возможным ходатайствовать о возвращении им беглых крепостных, находившихся на русской территории.

Новые попытки Серебрякова, действовавшего со стороны Черноморского побережья, и Ращпиля, действовавшего со стороны Кубани, выполнить директивы князя Воронцова и убедить шапсугов и натухайцев в необходимости вернуть конфискованное имущество дворянам, укрывшимся под покровительством русских властей на русской территории, успехом не увенчались. Более того, при переговорах, лично ведшихся Ращпилем на реке Абин с целью достичь примирения фокотлей со своим дворянством, шапсугские старшины, оставаясь непреклонными и по-прежнему обвиняя дворян в неблаговидных поступках, довольно тонко «дали заметить генералу Ращпилю, что он пристрастен к узденям; говоря, что для государя должны быть равно дороги как узденя, так и тоховы»⁴².

В силу того, что русское командование дальше общих деклараций и радужного приема добровольно выходивших на русскую территорию не пошло, а оставшиеся на родине дворяне принесли повинную старшинам фокотлей, острота дворянского вопроса у шапсугов и натухайцев несколько сгладилась. К 60-м годам XIX в. дворяне и старшины этих племен даже пошли на заключение между собой политического союза.

Борьба между дворянами и фокотлями в XIX в. происходила и у других адыгейских племен, принимая различные по своей остроте формы.

В частности, у бжедухов позиции военно-феодальной аристократии были гораздо более прочными. Этим объясняется, что бжедухские князья и дворяне не только удерживали власть, но и оказывали поддержку дворянам соседних племен в их напряженной борьбе с фокотлями. Однако вскоре после Бзиюнской битвы, в которой бжедухская знать выступила в качестве силы, возглавившей адыгейскую феодальную реакцию, бжедухские фокотли перешли в наступление на своих князей и дворян. Борьба началась с отказа фокотлей от выполнения лежавших на них повинностей.

В начале 1828 г. бжедухские фокотли объявили себя совершенно свободными людьми и отказались признавать над собой власть своих князей и дворян. Затем ими был создан периодически собиравшийся на съезды совет, состоявший из представителей старшинской аульной верхушки. Совет от имени всего бжедухского крестьянства объявил князьям и дворянам, что фокотли решительно отказываются от несения каких бы то ни было повинностей в их пользу и будут отстаивать свою независимость оружием. Причем заявление было сделано в весьма резкой форме, с ироническим подчеркиванием того, что всякий фокотль, убивший дворянина или князя, «потеряет только свой заряд».

Возглавив борьбу бжедухских крестьян с военно-феодальной знатью, старшины стремились вместе с тем закрепить за собой особые преимущества, связав своих соплеменников присягой, обязывавшей «уважать старших членов своего сословия и повиноваться их определениям для общего блага»⁴³. Это значит, что у бжедухов протекал тот же самый процесс подъема новой феодальной прослойки в лице старшин, какой имел место у племен «демократических». Хан-Гирей, отмечая падение власти бжедухской аристократии и возрастающее значение политической роли и влияния старшинской верхушки фокотлей, писал: «В таком положении дел князья и дворяне

⁴² КГА, ф. 260, д. 653, л. 215. В этом замечании скрывалось сознание старшинской верхушкой той роли и значения, какие она стала иметь в жизни адыгейских племен.

⁴³ Хан-Гирей. Князь Пшэской Аходягоко. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 17, Тифлис, 1893, стр. 28.

присмирели — жили молча и, покоряясь необходимости и нередко угождая своим полубрам, безмолвно смотрели на народные съезды, где народные старшины пользовались уважением и в некоторых случаях даже властью, принадлежавшими прежде исключительно одному дворянству»⁴⁴.

Однако до полного падения власти бжедужской дворянско-княжеской знати было еще далеко. После некоторого периода растерянности она собралась с силами и перешла в контрнаступление на фокотлей, выделив из своей среды энергичного поборника феодально-владельческих прав князя Пшьской Аходягоко. Отрезав вышедшие из повиновения аулы со стороны Кубани и распространив слух, что русские готовы помочь князьям и дворянам в их борьбе против фокотлей, Пшьской Аходягоко отправился к абадзахам. Здесь он получил поддержку со стороны мусульманского духовенства и умело использовал межплеменную вражду между абадзахами и бжедужами. Став во главе вооруженных сил абадзехов, Пшьской Аходягоко нанес несколько тяжелых поражений крестьянским ополчениям бжедужов.

Деморализованное и подавленное ходом событий бжедужское крестьянство не имело в себе сил для продолжения борьбы и вынуждено было смириться. По приговору духовного суда, поддержавшего бжедужскую знать, крестьяне должны были по-прежнему признавать над собой власть дворян и князей, вернуть им захваченное имущество и уплатить большой штраф. Князья и дворяне, с своей стороны, в виде уступки дали обязательство уменьшить и облегчить повинности фокотлей. Вождь бжедужского дворянства князь Пшьской Аходягоко ознаменовал свою победу тем, что потребовал за каждую взятую у него овцу по 9 штук овец и, кроме того, в виде штрафа, 400 штук коров.

Следуя своей традиционной политике поддержки феодальных притязаний адыгейской аристократии, русское командование не только не мешало действиям бжедужских дворян, а, наоборот, всячески им содействовало, чем вызвало большое недовольство бжедужского крестьянства. Несмотря на описанный исход событий 1828 г., бжедужские фокотли в последующий период времени не прекратили своей борьбы. Постепенно нарастая, эта борьба привела к тому, что в половине XIX в. созрели предпосылки для нового общего широкого восстания.

Чувствуя неизбежность приближающихся событий, бжедужская аристократия попыталась закрепить при помощи русских властей свои социальные позиции, создав особый феодально-аристократический орган управления общеплеменного значения. Доклад по третьему отделению Генерального Штаба за 1854 г. подчеркивал, что «демократический переворот в закубанских племенах, у которых среднее сословие (тхвохотль) во второй половине прошлого столетия необыкновенно усилилось и лишило всех прав князей и дворян, не мог не подействовать на князей тех племен, которые еще удержали свою власть над народом, и они искали себе опоры в нашем правительстве»⁴⁵.

В декабре 1853 г. бжедужские князья и дворяне подали докладную записку командующему войсками Кавказской линии, в которой просили о создании у бжедужов особого дворянско-княжеского суда. Члены этого суда должны были быть облечены не только судебной властью, но и полицейско-административными полномочиями по отношению к своим соплеменникам. В результате последовавшего обмена мнений между штабом войск Кавказской линии и командующим Черноморской кордонной линией было решено предложить представителям бжедужских князей, дворян и фокотлей совместно обсудить «Проект Учреждения в обществах Бжедужского и Гатукаевского народа суда присяжных (тгаркохас)».

Начала, изложенные в этом документе, должны были распространяться на хамышейцев, черченеевцев и ту часть гатукаевцев, которая жила по левому берегу р. Белой. Проект, составленный при непосредственном участии бжедужской феодальной знати, по существу передавал все функции административного управления и суда в руки дворянско-княжеской верхушки. Общее наблюдение и контроль за деятельностью суда оставались в руках русской администрации. Функции суда сообщали ему характер административно-полицейского органа. На него возлагалось «неусыпное наблюдение

⁴⁴ Хан-Гирей. Указ. соч. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 17, стр. 28.

⁴⁵ КГА, ф. 260, д. 2244, л. 5.

ние за внутренним спокойствием и благочинием, объявление и приведение в действие всех распоряжений русского начальства, представление русскому начальству о народных нуждах и потребностях и посредничество между русским начальством и своими обществами»⁴⁶.

Суд присяжных должен был состоять из двух князей, одного султана, восьми дворян и одного эфенди. Члены его были облечены большими полномочиями. Достаточно указать, что всякого бжедуха, обратившегося с жалобой непосредственно к русским властям, последние должны были предварительно отослать к членам суда для разбора его дела. Только в случае повторной жалобы на неправильное решение суда русская администрация могла потребовать от членов его соответствующих объяснений, и, если выяснялось, что дело жалобщика было действительно разобрано пристрастно и несправедливо, местным начальникам предоставлялось право «дать ему законное направление». В противном же случае они обязаны были принудить «жалобщика к беспрекословному выполнению решения суда».

Русское командование внесло в проект ряд пунктов, составленных на основе учета остроты социальных противоречий у бжедухов. Оно не могло не считаться по военно-политическим соображениям с фактами глубокого возмущения и недовольства широких масс адыгейского народа бесконечными насилиями своих князей и дворян, в силу чего члены суда обязывались обеспечить «воздержание князей и дворян от злоупотреблений их прав и преимуществ в отношении к простолюдином». Под злоупотреблениями, согласно особому разъяснению проекта, следовало понимать «всякие самопроизвольные, несправедливые и насильственные действия в отношении к простолюдином, как например, незаконный захват их собственности, или наложение незаконной повинности». Одновременно проект категорически запрещал фокотлям «всякое непризнание действительных прав и преимуществ князей и дворян и слушание против них в исполнении того, что народными обычаями повелено и установлено». В силу этого суд обязывался побуждать «простолюдином к точному и беспрекословному выполнению ими законных обязательств в отношении к князьям и дворянам»⁴⁷.

Выполняя данное ему поручение, войсковой атаман Черноморского казачьего войска генерал Кухаренко в конце января 1854 г. разослал за Кубань гонцов с приглашением немедленно выслать в Екатеринодар депутатов бжедужских сословий для обсуждения проекта «тгаркохас». К 15 февраля большое количество адыгейских дворян и князей прибыло в Екатеринодар, но, несмотря на всю торжественность, какую стремились придать этому совещанию войсковые власти, оно фактически не удалось. Фокотли демонстративно отказались прислать своих депутатов, и совещание 18 февраля было распущено, не дав тех результатов, на которые рассчитывала как адыгейская знать, так и русское командование.

В 1856 г. бжедужские фокотли потребовали от своих князей и дворян полного отказа от их феодальных прав и привилегий. Как и следовало ожидать, последние ответили категорическим отказом. В результате отказа и непримиримой позиции, занятой бжедужской знатью, развернулась жестокая вооруженная борьба. Решающее сражение между дворянско-княжескими войсками и ополчением фокотлей произошло на левом берегу Кубани, возле аула Понежукай. В этой битве, известной у адыгов под именем Пшиорк-заус (битвы против князей и дворян), войска бжедужской аристократии потерпели полное поражение. Много дворян было убито и захвачено в плен. Фокотли даровали жизнь и позволили оставаться на прежних местах только тем пленникам, которые торжественно поклялись навсегда отказаться от своих владельческих прав. Все остальные князья и дворяне покинули родину и поселились отдельным аулом на р. Уанобот.

Сын последнего владетельного бжедужского князя Тархана Хаджимукова, офицер 1-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска, так рассказывает об этих событиях: «Вспыхнула революция, причем многие князья и дворяне заплатились жизнью, а другие бежали и отдались под защиту русских... Русское правительство приняло все меры, чтобы примирить народ с князьями, но эти попытки не увенчались успехом. Правда, народ согласился принять к себе князей и оказывать им почет при

⁴⁶ КГА, ф. 261, д. 1422, л. 10.

⁴⁷ Там же, лл. 11, 12.

полном содержании, но с условием, чтобы князья отказались от власти и от всех своих прерогатив. На эту сделку гордые князья пойти не согласились и присягнули на подданство России...»⁴⁸.

В 1858 г. бжедухи приняли решение официально перейти в русское подданство. Беда переговоры по этому поводу с русским командованием, бжедужские старшины от имени всех фокотлей выставили условие, чтобы никого из изгнанных бжедужами, «пше, тляхотлежей и урков вновь к себе не принимать...»⁴⁹.

Что касается абадзехских дворян, то последние, будучи очень малочисленными, не играли заметной роли. В 1845 г. они подали генералу Рашипилю прошение, в котором просили при принесении в будущем всем племенем абадзехов присяги русскому правительству не допустить к ней 500 семейств крепостных крестьян, лично им принадлежавших. Это значило, что абадзехские дворяне опасались того, что, приняв русское подданство и принеся присягу вместе с фокотлями, их крепостные могут получить свободу. Если же после отстранения от присяги их крепостные откажутся жить под их властью в горах, то они выражали готовность перейти, по указанию русского начальства, на новое место и просили помочь им силой перевести туда же и своих крепостных.

Ответом на эту просьбу было предписание командующего войсками Кавказской линии Заводовского, разрешающее просителям переселиться в прикубанскую низменность на территорию бжедужов (при условии согласия последних). Что же касается вопроса о принудительном переселении их крепостных в случае принесения всеми абадзехами присяги, то Заводовский не давал никаких гарантий, предоставляя им самим «разобраться о своих крестьянах шариятом или по адату». В заключение Заводовский довольно сухо указывал, что покровительство и защита им будут оказаны на общих основаниях «со всеми покорными горцами»⁵⁰. Сдержанность и известная холодность ответа Заводовского объяснялись тем, что малочисленное абадзехское дворянство не имело в глазах русского командования большого значения.

* * *

Помимо военной поддержки, русский царизм в своих отношениях с адыгейской дворянско-княжеской знатью широко применял систему раздачи подарков, субсидий и генсий, отпуская на это крупные денежные средства, проходившие под рубрикой сумм, выделяемых на экстраординарные расходы.

Значительная часть владельцев левобережных аулов была возведена в русские офицерские чины с наделением их полицейскими полномочиями. Последнее обстоятельство нашло свое выражение в особом распоряжении Николая I, который предписал «возложить на них заведывание в полицейском отношении аулами, в которых они проживают»⁵¹. Это означало не только правительственное признание, но и укрепление владельческих прав адыгейских князей и дворян по отношению к подвластному им населению аулов в общей системе управления крепостной России. Здесь на сцену выступал кавказский вариант столь знакомой русскому крестьянину дворянской «отеческой полиции», на которую всегда возлагали большие надежды русские самодержцы.

За выполнение этих новых обязанностей владельцам аулов особого вознаграждения, сверх получаемого содержания, не полагалось. Для большего же побуждения их к энергичному выполнению полицейской службы Николай I приказал: «В случае уклонения их от точного выполнения возлагаемых на них поручений лишать их жалования впредь до оказания особых заслуг»⁵².

К началу 1842 г. в ведомстве Черноморской кордонной линии числилось свыше 100 офицеров-адыгейцев. Большая часть их была владельцами аулов, постоянной службы в воинских частях не несла, жалование же получала «из окладов, высочайше назначенных каждому». Остальные служили в полках Черноморского казачьего войска

⁴⁸ «Народы Западного Кавказа (по неизданным запискам природного бжедужа князя Хаджимукова)». «Кавказский сборник», т. 30, Тифлис, 1910, стр. 47—48.

⁴⁹ Е. Д. Фелицин. К вопросу о сословиях у горских племен Кубанской области. Газета «Кубанские областные ведомости», № 27, 1887 г.

⁵⁰ КГА, ф. 261, д. 770, л. 7.

⁵¹ Там же, д. 1181, л. 93.

⁵² Там же.

на общих основаниях с русскими офицерами. По положению 1842 г. они получали и земельные наделы: генералы по 1500 десятин, штаб-офицеры по 400 десятин, обер-офицеры по 200 десятин.

Дворянская же адыгейская молодежь воспитывалась в русских военно-учебных заведениях, по окончании которых молодые адыгейцы зачислялись офицерами в полки регулярной кавалерии и пехоты, расположенные внутри России, с обязательным сроком службы в шесть лет. Отслужив этот срок, они могли уходить в отставку. Воспитание детей адыгейских князей и дворян в русских военно-учебных заведениях преследовало цель создать кадры проводников правительственного влияния в горскую среду и подготовить преданных военных специалистов-офицеров из числа представителей дворянско-княжеской верхушки черкесов.

Наиболее отчетливо стремления царского правительства были высказаны в 1835 г. шефом жандармов Бенкендорфом. Особым предписанием Бенкендорф предложил командующему Кавказской кордонной линией генералу Заводовскому направлять в учебные заведения детей горцев из фамилий княжеских и дворянских, «имея при сем строгую разборчивость, чтобы сии фамилии имели важность по древности существования оных, по особенно важным заслугам, оказанным предками нашему правительству, или, наконец, по уважению в народе». Эти дети, по мысли Бенкендорфа, получив образование попечением русского правительства, должны быть «оному в свою очередь полезными обращением родителей и родственников своих в мирное сношение с правительством», почему при отборе кандидатов и должна соблюдаться «самая строгая разборчивость»⁵³. Постоянный ежегодный контингент приема детей горской знати в русские военно-учебные заведения был установлен численностью в 30 человек.

Тщательно охраняя сословный принцип в области военного образования, царское правительство решительно отказывалось принимать в кадетские корпуса детей горцев недворянского происхождения. Так, в частности, из Новороссийской азиатской школы, где вместе с сыновьями адыгейских князей и дворян обучались и дети адыгейских фокотлей, в кадетские корпуса посылались только сыновья адыгейской знати. Николай I в специальном распоряжении указал, что в кадетские корпуса из этой школы могут быть командированы только те воспитанники, родители которых «по роду имеют права, равные русскому дворянству, или дослужились до майорского чина». В отдельных случаях дети адыгейских дворян направлялись в кадетские корпуса по личному распоряжению царя «с доставлением их в Петербург за счет казны»⁵⁴.

При назначении на службу молодые офицеры-адыгейцы, помимо особого «вспомоществования», полагавшегося всем воспитанникам кадетских корпусов из числа горцев, получали еще и годовой оклад жалования, который предписывалось «направлять к полковому командиру с тем, чтобы он покупал для них обмундирование и другие вещи, для кавалерийского офицера потребные». На протяжении всей службы в регулярных кавалерийских полках они, в отличие от русских офицеров, получали двойной оклад жалования, ставивший их в гораздо более выгодное материальное положение⁵⁵.

Сохранился ряд прошений от офицеров-адыгейцев, окончивших русские военно-учебные заведения, отслуживших положенный им шестилетний срок в армии, затем пробывших несколько лет дома и снова просивших разрешить им вернуться на службу. В основе этого явления, несомненно, лежали социальные сдвиги, происходившие в жизни адыгейских племен, которые приводили к потере старой адыгейской военно-феодальной знатью ее прежнего привилегированного положения. Терпя поражение в борьбе с поднявшейся против нее массой свободного адыгейского населения — фокотлями, она искала выхода из создавшегося положения. Часть адыгейских князей и дворян вплоть до Крымской войны рассчитывала найти поддержку Турции при возможном переходе Кавказа под ее власть, другая же часть рассчитывала на помощь царского правительства России и стремилась войти в ряды ее господствующего класса. Военная служба в царской армии открывала прямой путь к достижению этой цели.

Одной из важнейших привилегий, предоставлявшихся адыгейским князьям и дворянам со времени поселения Черноморского казачьего войска на Северо-Западном Кавказе, было право пользоваться дополнительной запашкой земли на правом берегу

⁵³ КГА, ф. 261, д. 382, л. 54.

⁵⁴ Там же, ф. 260, д. 1490, л. 26; ф. 261, д. 374, л. 1.

⁵⁵ Там же, ф. 261, д. 509, л. 26.

Кубани и право пасти там свои стада под защитой русской кордонной стражи. Для этого им разрешалось переправлять через Кубань своих крепостных людей, перевозить земледельческие орудия, устраивать там коши для зимовки скота и даже основывать постоянные поселения хуторского типа. Всего в течение первых четырех десятилетий XIX в. адыгейским уоркам и пши было дано свыше ста разрешений на постройку хуторов на правом берегу Кубани.

Насколько большое значение придавало этому вопросу русское правительство, можно судить по тому, что в 1817 г. он явился даже предметом специального рассмотрения в Комитете министров. На заседании, состоявшемся 10 апреля 1817 г., Комитет принял решение согласиться с мнением управляющего Министерством иностранных дел, который предложил дать адыгейским дворянам разрешение иметь запашку на русской территории. Решение Комитета было утверждено Александром I, который в своей резолюции дополнительно предписал: «Особенно наблюдать, чтоб оные владельцы не имели от местного начальства никаких притеснений и чтоб не было с них сбора денег ни на какие земские повинности или расходы»⁵⁶.

К 30-м годам XIX в. на правом берегу Кубани вырос ряд хуторов, принадлежавших адыгейским князьям и дворянам, хозяйственный облик которых хорошо отразился в официальной переписке. Это были мощные земледельческие хозяйства, обслуживавшиеся трудом крепостных, причем засеваемая площадь была настолько велика, что во время уборки урожая владельцам их приходилось дополнительно привозить из-за Кубани по 130—150 человек своих «подвластных»⁵⁷. В отдельных случаях войсковые власти Черноморского казачьего войска считали возможным даже посылать русских казаков на уборочные работы в хутора адыгейских князей и дворян.

Хозяйственная деятельность на русской территории не мешала адыгейским князьям и дворянам по-прежнему совершать набеги на закубанские аулы и захватывать у жителей их скот и имущество. В 1833 г. наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал Заводовский, касаясь деятельности шапсугского дворянина поручика Бисльней Абата, писал командующему Кавказским корпусом барону Розену, что Бисльней Абат «испросил позволение поселиться хутором на нашей стороне при Кубани в 3-ей части кордона в дистанции Ольгинского поста для хлебопашества и скотоводства. Абат и находящиеся при нем люди получают от казны достаточное содержание, и он сделался от того богаче от всех закубанских ворков; но несмотря на это, часто переправляется с сыновьями за Кубань и отсель перегоняет на нашу сторону воровскую скотину, которую для него готовят там люди, приглашенные им на промышленность такого рода»⁵⁸. Подобным же образом поступали и другие представители адыгейской феодальной знати как жившие за Кубанью, так и переселившиеся в хутора, построенные ими на ее правом берегу под покровительством русских властей. Бесконечные набеги, сопровождавшиеся захватом пленников, угоном скота и разорением аулов, повторяли в быту и облике адыгейских уорков и пши черты «разбойничьего дворянства»⁵⁹ западноевропейского средневековья.

Весьма важной привилегией для адыгейских князей и дворян также было право сбора ими торговой пошлины, или курмука, с горцев, приехавших на русские меновые дворы, ярмарки и базары. Для большего удобства обладателей этой монополии смотрителям русских меновых дворов было предписано самим собирать курмука и передавать его затем «им в руки весь без остатка»⁶⁰. В 1846 г. «подданные» хамышейских князей Джанклиша и Аслана Хаджимуковых были даже приведены русскими властями к особой присяге в том, что они беспрекословно будут уплачивать следуемый с них курмука на Екатеринодарском меновом дворе. Право сбора курмука признавалось русскими властями за адыгейскими князьями вплоть до 1859 г. Причем к этому времени курмука выражался в весьма солидных размерах, а именно достигал 30 коп. серебром с каждой арбы, переправлявшейся на русскую сторону Кубани. Только в 1859 г. русские власти сочли неудобным дальнейший сбор курмука и запретили его. Причинами, заставшими это сделать, были, с одной стороны, все более становившийся очевидным

⁵⁶ КГА, ф. 249, оп. 1, д. 716, л. 56.

⁵⁷ Там же, д. 655, л. 93.

⁵⁸ Там же, д. 1341, л. 79.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, изд. 2, стр. 23.

⁶⁰ КГА, ф. 261, д. 863, л. 79.

факт потери адыгейской дворянско-княжеской знатью ее прежнего значения, а с другой — то, что курмук сильно препятствовал дальнейшему росту торговли с горами.

Используя борьбу, происходившую между отдельными адыгейскими племенами, кавказское командование охотно пропускало через русскую территорию отряды адыгейских князей, которые, переправившись через Кубань, внезапно нападали на своих противников.

В качестве примера можно привести случай, имевший место в 1831 г. 21 октября командующим войсками правого фланга Кавказской линии генералом Берхманом дано было распоряжение наказному атаману Черноморского казачьего войска Заводовскому пропустить через русскую территорию отряды бжедужских князей «Джемболета и Кончу Кокор Мамед Гирея для сделания противу шапсугов экспедиции»⁶¹. Эти князья, согласно «воле вышнего начальства», должны были переправить свои войска в нескольких местах через Кубань, сконцентрировать их у г. Екатеринодара и отсюда неожиданно обрушиться на шапсугскую территорию. Шапсуги, конечно, никак не могли ожидать вторжения своих врагов с русского берега Кубани. В ночь на 31 октября войска Джемболета и Мамед Гирея перешли Кубань и в сопровождении прикомандированных к ним казаков стянулись в так называемый Круглый лес близ г. Екатеринодара. Здесь для них было заготовлено сено, провиант и дрова для варки пищи. После однодневного отдыха бжедужские отряды были переправлены на шапсугскую территорию, где, благодаря своему неожиданному появлению, нанесли большой урон шапсугам и произвели страшные опустошения.

Следует заметить, что в отношениях между русским царизмом и адыгейским дворянством оставалось много неопределенного в смысле юридического оформления словесных прав и привилегий последнего. Всемерно поддерживая адыгейскую знать и видя в ней главную опору на Западном Кавказе, царское правительство не решалось в то же время предоставить ей права русского дворянства. Объяснялось это главным образом тем, что адыгейские князья и дворяне обнаруживали большую политическую неустойчивость в ходе событий, развертывавшихся на Западном Кавказе. Оказавшись между двумя борющимися силами, царской Россией и Турцией, за спиной которой стояли европейские державы, они стремились найти наиболее выгодный для себя политический курс и закрепить при помощи одной из сторон свои притязания по отношению к фокотлям.

В такой сложной политической обстановке адыгейскому дворянству не раз приходилось взвешивать шансы противников и менять свою внешнеполитическую ориентацию. В силу этого они то штурмуют укрепления Черноморской кордонной линии под турецкими знаменами, полученными от анапского сераскира, то приносят присягу русскому правительству «с клятвенным удостоверением», что на этот раз они «приверженность свою всероссийскому престолу» будут соблюдать «свято и ненарушимо»⁶².

Наиболее дальновидные из них, выполняя требования турецких властей, старались в то же время сохранять видимость лояльных отношений и с русским командованием. Примером может служить поведение одного из главных бжедужских князей — Мисеоста, который, ведя переговоры с турецким сераскиром в Анапе, писал А. П. Ермолову: «Благоприятель генерал! В здешнюю сторону едет паша. Я к нему не поехал, а отправил своего человека, но теперь сам паша едет сюда. Если я не поеду к нему, то стыдно будет; ибо не ехать к такой особе, каковы Ваше высокопревосходительство и паша, неприлично»⁶³.

Во время Крымской войны, когда турецкие войска заняли все Черноморское побережье от Тамани до Сухума и разрушили все находившиеся здесь русские укрепления, многие офицеры-адыгейцы, служившие в русской армии, полагая, что Кавказ потерян для России навсегда, пытались установить связь с командованием турецких войск.

19 мая 1855 г. английский капитан Осборн доносил из Геленджика контр-адмиралу Лайонсу о своей беседе с Сефер-беєм и командующим турецкими войсками на Черноморском побережье Мустафа-пашой. Он сообщал, что в ответ на высказанные им сомнения относительно возможности реальной помощи со стороны черкесов союзным

⁶¹ КГА, ф. 249, оп. 1, д. 1170, л. 1.

⁶² Там же, д. 509, л. 42.

⁶³ Там же, ф. 261, д. 119, л. 11.

армиям «Сефер-паша (Сефер-бей.— М. П.) и генерал заявили, что в данный момент нет никаких сомнений во всеобщем выступлении и что у них имеются заявления почти от каждого черкесского офицера на русской службе...»⁶⁴.

Наиболее определенными были права адыгейских дворян, окончивших русские военно-учебные заведения и служивших в качестве офицеров в армии. В правительственных кругах и у кавказского командования не возникало никаких сомнений относительно их сословно-привилегированного положения, и они становились признанными членами правящего класса России со всеми вытекавшими отсюда правами и привилегиями. Это касалось и их земельных прав, Кавказское начальство в лице наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича ходатайствовало «о пожаловании, кроме лиц высшего военного звания и горских князей I категории, служивших в рядах русской армии, также и казачьих офицеров и классных чиновников в потомственную собственность участков земли, находившейся, согласно положения 1842 года, в их пожизненном пользовании»⁶⁵. Что касается «неслужащих горских офицеров», то наиболее дальновидные из них, по мере того как все более определялся конечный исход борьбы за Кавказ, также «стали требовать закрепления за ними искони будто бы принадлежавших им земель, указывая при этом такие пространства, заключающие в себе десятки тысяч десятин, какие казались более выгодными для них»⁶⁶.

Относясь в общем довольно скептически к этим притязаниям, царское правительство России тем не менее шло им навстречу. На основании утвержденного в 1868 г. Александром II проекта Кавказского комитета по распределению земель Кубанской области в руки адыгейского дворянства отошло 97 722 десятины земли⁶⁷. Но еще до этого, при проведении здесь в 1867 г. крестьянской реформы, многие представители адыгейской знати получили крупные земельные владения. Так, например, генерал-майор султан Адиль-Гирей получил 13 000 десятин, генерал-майор Пшекуй Могуков — 1140 десятин, полковник князь Лоов — 3909 десятин и т.д.

В ином положении оказались те дворяне, которые, переоценив военно-политическое могущество Турции, боровшейся с царской Россией за утверждение на Кавказе, не включились своевременно в русскую правительственную политику и в ходе борьбы с фокотлями к 60-м годам XIX в. окончательно утратили свою господствующую роль. Часть их эмигрировала в Турцию, часть же, потеряв своих крепостных и рабов и не получив крупных земельных наделов, образовала значительную группу людей, которым, по словам современника, «судьба вручила лопату и топор, как бы насмехаясь над их наследственной гордостью»⁶⁸. Царское правительство формально не лишило их дворянского звания, но и не распространяло на них права и привилегии русского дворянства.

Так складывались взаимоотношения между русским правительством и адыгейской военно-феодалной знатью.

В заключение необходимо сказать, что султанское правительство Турции и его военная администрация на Западном Кавказе не оставались безразличными к политике русского правительства по отношению к адыгейской дворянско-княжеской знати. Свообразием складывавшейся при этом обстановки было то, что обе стороны не могли обойти «крестьянского вопроса» у адыгов, и адыгейские фокотли сделались объектом их напряженного внимания. Наиболее остро это сказывалось в годы военных конфликтов. Так, в частности, готовясь к войне 1828—1829 гг. и понимая значение участия в ней фокотлей на стороне Турции, турецкие власти в Анапе, учитывая происходившую у адыгов борьбу, от имени турецкого правительства торжественно обещали фокотлям всех «аристократических» племен освобождение от повинностей, которые они несли в пользу князей и дворян. Одновременно, чтобы не оттолкнуть и последних, они тайно разъясняли им, что указанная мера временная, вызванная исключительно военными обстоятельствами, и что как только Кавказ окончательно перейдет под власть Порты, так снова будет восстановлено прежнее положение. Деле-

⁶⁴ Publications of the Navy Record Society vol. LXXXV, Russian war 1855, L., 1945, p. 155.

⁶⁵ КГА, ф. 318, д. 2751, л. 46.

⁶⁶ «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. II, Тифлис, 1869, стр. 5.

⁶⁷ Там же, стр. 70—72.

⁶⁸ К а л а м б и й. На холме. «Русский вестник», ноябрь 1861 г., стр. 319.

гации адыгейских князей и дворян, отправленной в Константинополь для уточнения этого вопроса, было заявлено, что турецкое правительство не только не думает об освобождении фокотлей от повинностей в пользу владельцев, но, наоборот, после победы над Россией предоставит в распоряжение знати свои войска для «наклонения за кубанских народов низкого состояния к повиновению дворянству»⁶⁹.

Русское командование, парируя действия турецкой администрации, отвечало распространением за Кубанью воззваний, в которых обещало «подвластным и холопьям» владельцев, державшихся турецкой ориентации, «всегдашнюю вольность и покровительство»⁷⁰.

Не ограничиваясь этим, правительства государств, боровшихся за утверждение своего влияния на Кавказе, не останавливались перед использованием в своих интересах и несвободного адыгейского населения (унаутов, пшитлей и огов). Последнее обстоятельство приводило к необычайно сложным социальным коллизиям внутри адыгейских племен и в 60-х годах XIX в. тяжело отразилось на судьбе многих тысяч горцев, явившихся жертвой этой политики.

⁶⁹ КГА, ф. 249, оп. 1, д. 975, л. 136.

⁷⁰ Там же, д. 1003, л. 14.

